

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА ИМ. Г. ИБРАГИМОВА
ЦЕНТР ПИСЬМЕННОГО И МУЗЫКАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

Дина Ахметова

**ГАБДУЛЛА ТУКАЙ
В ФОТОГРАФИЯХ**

2-е издание

КАЗАНЬ
2021

УДК 821.512.145:77
ББК 83.3(2Рос=Тат)-8 Тукай Г.:85.16
А 95

Печатается решением Ученого совета Института языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ

Ахметова Д.И.
А 95 Габдулла Тукай Тукай в фотографиях / Д.И. Ахметова. – 2-е издание. – Ка-
зань: ИЯЛИ, 2021. – 50 с., ил.

© Ахметова Д.И, 2016, 2021
© ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2016, 2021

Появление фотографии ярко демонстрирует кардинальные сдвиги в мусульманской среде России начала XX века: социально-политические, общественные, культурные. Фотографическая история Г. Тукая явилась своего рода отражением этих изменений. Всего 10 лет включает в себя период тукаевских фотографий, однако охватывает целую эпоху, сжатую как пружина: это и самые ранние изображения в Уральске, и портреты знаменитого поэта времени расцвета его славы, и последние, появившиеся в Клячкинской больнице перед смертью, а также похороны поэта. К сожалению, подлинных фотографий сохранилось не так много, однако существуют прижизненные и посмертные открытки с портретами Г. Тукая, а также опубликованные в различных печатных изданиях снимки. Именно они в комплексе и составляют бесценное наследие, по которому нам известна подлинная внешность великого татарского поэта.

Габдулла Тукай жил в эпоху, когда с молниеносной быстротой распространялись достижения науки и техники: фотографические услуги стали доступными для многих слоев населения; были сняты препоны в виде религиозных запретов на фотосъемку для мусульман, татары перестали бояться фотоизображений

и фотодело стало и для них обыденным делом. Фотография популяризировалась в условиях влияния европейской культуры, а также официальных требований со стороны государственных органов; стала неотъемлемой частью печатных изданий – газет и журналов, которые в начале XX века получили у татар самое широкое распространение.

Однако фотографии Г. Тукая отражают не только время, в которое он жил, но и демонстрируют значение, занимаемое поэтом среди современников. Учитывая, что фотография начала XX века в основном была «салонной», то назвать ее массовой еще невозможно. Для многих поход в фотоателье был редким событием в жизни, на память потомкам оставались единичные фотографии, запечатлевшие определённые значимые события – детство, юность, зрелость, появление семьи и детей. Участники съемки принимали заведомо стандартные позы, ожидаемое выражение лица, демонстрируя собственное достоинство и значимость. Любое изображение становилось красноречивым посланием в будущее, потомкам, поэтому в них отсутствовали черты сиюминутности. Конечно же, главным фактором застывших поз, отсутствия бытовых жизненных обстоятельств на снимках была трудоем-

кая технология фотографии начала XX века: громоздкий фотоаппарат, длительная выдержка при съёмке, которая делалась чаще всего в фотоателье. Фотографии со всей определенностью составляли набор образов, конструируя биографию, как на бумаге, так и в головах рассматривающих их людей. То же можно сказать и о фотографиях, которые донесли до нас образ Габдуллы Тукая. Сохранилось почти два десятка разных фотографических изображений поэта (некоторые в нескольких экземплярах, в печатных изданиях), а также почтовых открыток, созданных на основе фотографий. Это может говорить только об одном – современники понимали значение молодого поэта для национальной литературы, чттили его, а некоторые, увы, использовали в коммерческих целях и фотографии, и открытки. Говоря современным языком, молодой поэт был моден и популярен. Признание нашло Тукая ещё при жизни, однако не изменило горьких превратностей его короткой судьбы.

На фотографиях Г. Тукай разный, но всегда молод. Два десятка снимков не могут достоверно рассказать

1. Г.Тукай с Г.Кариевым (?).

Уральск. 1903–1904. Фотокопия

1. Г. Тукай Г. Кариев белән (?). Уральск.

1903–1904. Фотокопия

1. G. Tukay with his friend G. Kariev (?).

Uralsk. 1903–1904. Photocopy

обо всей его жизни, литературном или повседневном окружении, но со всей очевидностью показывают возрастную эволюцию молодого человека за его неполные двадцать семь лет. Заканчивается эта визуальная история несколькими очень трагическими фотографиями конца его жизни.

Габдулла Тукай появился на свет 14 (26 по новому стилю) апреля 1886 г. в деревне Кушлауч. Рано оставшись без родителей, жил в чужих семьях в деревне Кырлай, в г. Казани. Не существует (или не сохранилось) детских фотографий Тукая. Первая известная относится к 1903 – 1904 гг., когда ему было около 17 лет (*фото 1*). Эта фотография была сделана в г. Уральске (ныне Республика Казахстан), куда Тукай попал в 1894 г. после периода скитаний (уральский период жизни оказался самым длительным по протяженности – почти 13 лет). На снимке Г. Тукай изображен рядом с высоким шакирдом медресе «Мутыгия» г. Уральска. Есть предположения, что это мог быть один из самых близких друзей Тукая – Габдулла Кариев, в будущем основатель труппы «Сайяр». Действительно, высокий юноша похож на более поздние фотографии Г. Кариева.

Медресе Мутыгуллы хазрата (Тухватуллина) в г. Уральске Г. Тукай начал

посещать в 1898 г. Это новометодное учебное заведение стало для Тукая неким водоразделом: мировоззрение его становится гораздо более сложным, а отношения с верой неоднозначными. Хотя эволюция произошла не сразу. На снимке 1903 – 1904 гг. – типичные шакирды начала XX века – в казакинах и каляпушах. Однако, по свидетельству родственницы Газизы, также жившей в Уральске, Габдулла часто ходил с непокрытой головой, что было чуть ли не антимусульманским вызовом. По ее воспоминаниям, на упреки, что он ходит, как русский, без головного убора, Тукай осматривал края своей тюбетейки (каляпуш) и говорил: «Вертел я в руках эту тюбетейку – не выйдет ли религия оттуда. Но религия не выходит, только волокна ткани» [Тукай хакында апасы Газизэ Зэбирваның исендә калганнары // Совет әдәбияты. 1936. №7. 70 б.]. Несоблюдение в полной мере всех религиозных предписаний (поста, пятикратного намаза) для Тукая было не более чем отрицанием внешних атрибутов веры. К слову, татар, критически настроенных к внешней стороне религиозной практики, в те годы было немало. Таковыми шакирдами и предстают на первой фотографии два подростка. Тукай – худенький мальчик в высоком каляпуше –

2. Учащиеся медресе Мутыгия. Уральск. 1905. Г.Тукай - второй справа в первом ряду. Оригинал.

2. Мотыйгыя мэдрэсәсе шәкертләре. Г. Тукай – беренче рәттә уңнан икенче. Уральск. 1905. Оригинал

2. Students of madrassas Mutygiya. G. Tukay – second from right in the front row. Uralsk. 1905. Original

опирается на спинку стула. Случайно выхваченный, не постановочный снимок, по всей видимости, снятый в стенах медресе, говорит о либеральности руководства этого учебного заведения, ведь мусульмане достаточно долго не решались делать фотопортреты.

Групповой снимок учащихся медресе «Мутыгия» был сделан во внутреннем дворе учебного заведения **(фото 2)**. Два десятка подростков, увековеченные примерно в 1905 – 1906 гг., одеты по тогдашнему обычаю в казакины или камзолы, с каляпушами на голове. По утверждению Нигматуллы Валеева, «однокашника» Тукая по медресе, он стоит на коленях в первом ряду второй справа, очень серьезный. В стенах медресе юноша выглядел вполне подобающе, как обычный шакирд. Это фото было подано в 1984 г. Н. Валеевым Национальному музею РТ.

Две фотографии 1905 г. демонстрируют новый период жизни Габдуллы Тукая в Уральске. С 1904 г. начинается тесное сотрудничество с сыном Мутыгуллы Тухватуллина Камилем, они вместе запечатлены на одном из снимков. Камиль Мутыги-Тухватуллин работал учителем в медресе своего отца Мутыгуллы хазрата. Татарская молодежь того времени, прогрессивно ориентированная, часто

получала образование за границей. Так и Мутыги-младший учился в Каире и Стамбуле. Тукай идеализировал образ друга: «Камиль же – по-европейски воспитан, Коран-хафиз, одевается по последней моде, певец, хорошо говорит по-русски и арабским владеет в совершенстве» [цит. по: Габдулла Тукай: фотоальбом / тез. һәм фоторәс. авт. З. Бәширов; текст. авт. М. Мәхдиев. Казан: Татар кит. нәшр., 1986. 86 б.]. Камиль организовал в медресе своего отца литературный кружок, издававший рукописный журнал «Әлгасрелжәдид» («Новый век»). Тукай принимал самое активное участие в издании журнала, сохранился экземпляр 1904 г., полностью написанный рукой Тукая.

На парной фотографии 1905 г. **(фото 3)** Камиль Мутыги, изящный, щегольски, по-европейски одетый молодой человек, стоит слева. Справа – Г. Тукай, пока еще шакирд, в помятой, мешковатой одежде, на голове его каляпуш. Он выглядит рядом с другом несколько нескладно, угловато, как подросток. В знак дружбы молодые люди пожимают друг другу руки. Тукай еле заметно улыбается. Понятно, что их сотрудничество и дружеское участие казались им настолько крепкими, что они запечатлели их на совместной фотографии. Снимок,

3. Г. Тукай с Камилем Мутыги. Уральск.
1905. Фотокопия

3. Г. Тукай Камил Мотыйгый белән.
Уральск. 1905. Фотокопия

3. G. Tukay with Camille Mutygi. Uralsk.
1905. Photocopy

сделанный в ателье, выглядит несколько натянутым, фигуры поставлены случайно и смотрят в разные стороны, центр снимка пустует, а жест с пожатием рук выглядит неловко.

Кроме работы в литературном кружке К. Мутыги-Тухватуллина, Тукай также сотрудничал с его газетами и журналами: работал печатником и корректором в журналах «Фикер», «Әлгасрелжәдид», «Уклар». Продолжал посещать медресе. В этот период работа не только помогала улучшить его материальное положение, но и удовлетворяла растущие литературные интересы. В уже печатной версии журнала «Әлгасрелжәдид» (1906–1907 гг.) Г. Тукай публиковал свои стихи. В доме Мутыги также проводились литературные вечера, в которых принимали участие в основном шакирды, в их числе и Тукай.

Однако добрые отношения между Тукаем и К. Мутыги-Тухватуллиным вскоре закончились: Тукай был уволен из типографии по обвинению в политической агитации среди печатников. Вот что вспоминал К. Мутыги-Тухватуллин об этом: «Он (Тукай) спровоцировал всех работников моей типографии, чтобы все они бросили работу и потребовали у меня увеличить жалование» [цит. по: Нигъмәти Г. Шагыйрьнең тормыш һәм иҗат юлы // Совет әдәбияты. 1936. № 5. 37 б.]. Надо помнить, что

это были годы первой русской революции 1905 – 1907 гг. Период работы в типографии Уральска оказался запечатлен на фотографии (фотокопия) предположительно 1905 г. Это скорее образ печатника, сделанный в фотоателье, Г. Тукай, похожий на подростка, держит в руках набранный номер газеты (*фото 4*). Примечательно, что юный шакирд одет в казакин, штиблеты и кепку. Вот как описывал облик юного поэта его соученик Шараф Каюмов: «Первый, кто в нашем медресе начал носить

штиблеты, был Тукай. В то время даже самые модные шакирды носили сапоги на каблуках. А потом и другие, взяв пример с Тукая, начали надевать штиблеты» [Гали М. Тукайның Уралъскидагы тормышы // Совет әдәбияты. 1946. №4. 105 б.]. Также после окончания медресе изменилось и его отношение к головным уборам: «Он отбросил в сторону шапки или фески, которые обыкновенно носили в медресе, и надел на голову кепку, и ходил никого не боясь» [Мотыйгый-Төхфәтуллин К. Мәшһүр шагыйрь Габдулла әфәнде Тукаев. Казан. 1914. 14–15 б.].

В начале 1907 г. Тукай закончил свое обучение в медресе и переехал в гостиницу. В журнале «Фикер» он поместил объявление: «На днях я вышел из медресе Мутыгыя. На основании этого сообщаю друзьям и знакомым, что с этого времени они должны писать мне письма по следующему адресу: Уралъск, гостиница «Казань», А. Тукаеву» [Тукай Г. Әсәрләр: 4 томда. Казан, 1955–1956. Т. 1. 257 б.]. Это новое для него положение отразилось на фотографии 1906 г. студии В.П. Онуфриева (Уралъск). Тукай снялся среди своих уральских товарищей (*фото 5*). Историю двух отпечатков этой фотографии приводит Р.Ф. Исламов [Исламов Р.Ф. О некоторых фотографиях-оригиналах Габдуллы Тукая // Научный Татарстан. 2011. № 3. С. 181–184]. Так, один из экземпляров этой фотографии поступил в Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова вместе с личным архивом известного литературоведа М.Х. Гайнулли-

4. Г.Тукай в период работы в типографии. Уралъск. 1905. Фотокопия

4. Г. Тукай типографиядә эшләгән вакытында. Уралъск. 1905. Фотокопия

4. G. Tukay during the work in the print shop. Uralsk. 1905. Photocopy

5. Г.Тукай среди уральских товарищей. Уральск. 1906. Фотограф В.П.Онуфриев. Оригинал

5. Г. Тукай Уральсктагы дуслары белән. Уральск. 1906. Фотограф В.П. Онуфриев. Оригинал

5. G. Tukay among Ural comrades. Uralsk. 1906. V.P. Onufriev. Original

на (1903–1985). На обороте написано на татарском языке простым карандашом арабским шрифтом: «Этот портрет снимался в июле месяце 1906 года. Справа [налево]: с тростью в руке Сиразетдинов (буфетчик гостиницы «Казань» и ресторана Муртазы Губайдуллина в Уральске), второй, стоящий, Рахматулла Хайруллин (приказчик магазина Муртазы Губайдуллина), сидящий и в очках – Габдулла Тукаев, наборщик в типографии «Уклар» и пишущий стихотворения в журнал «Уклар», четвертый, сидящий, Курушкин Григорий (приказчик магазина Губайдуллина), пятый Губаев Габделгани (работающий кассиром в магазине Губайдуллиных). Рахматулла Хайруллин. В Казани, перед месяцем декабрь. 1906 г. 13/VII» [цит. по: Исламов Р.Ф. О некоторых фотографиях-оригиналах Габдуллы Тукая // Научный Татарстан. 2011. № 3. С. 182].

На обороте другого экземпляра этой же фотографии фиолетовыми чернилами написано на татарском языке на кириллице:

«1. Наджип сын Зарифа Нигматуллин (буфетчик гостиницы «Казань»).

2. Курушкин (бухгалтер Муртазы Губайдуллина).

3. Хайруллин Рахматулла (приказчик М. Губайдуллина).

4. Г. Тукай.

5. Сирази шакирд.

Фотография 1906 года в Уральске» [цит. по: Исламов Р.Ф. О некоторых фотографиях-оригиналах Габдуллы Тукая // Научный Татарстан. 2011. № 3. С.182]. Также имеются надписи простым карандашом на арабской графике на татарском языке: «Верхняя Береска, Зариф Наджип».

Среди часто посещающих Г. Тукая в гостинице «Казань», когда поэт переселился туда, в воспоминаниях Н. Нигматуллина также указываются имена Г. Исхакова, Г. Курушкина; упоминается о сборе денег между собой для отправки поэта на родину. Более того, как он общается, по его просьбе Г. Тукай передал письмо его отцу в деревне Верхняя Береска и пару дней погостил там (отсюда и надпись «Верхняя Береска») [цит. по: Исламов Р.Ф. О некоторых фотографиях-оригиналах Габдуллы Тукая // Научный Татарстан. 2011. № 3. С. 182]. Также в воспоминаниях Р. Хайруллина приводится история данной фотографии: «Тукай, я, А. Губаев (кассир магазина), Г.Т. Курушкин (приказчик), А. Сиразиев (буфетчик) сфотографировались 13 июня 1906 года. Перед фотосъемкой Тукай попросил нас одеться по-разному, что мы и выполнили. А сам он надел черные очки (он и так

носил очки), растрепал волосы – так и снимался» [цит. по: Исламов Р.Ф. О некоторых фотографиях-оригиналах Габдуллы Тукая // Научный Татарстан. 2011. № 3. С. 182–183]. Это свидетельствует о том, что в группе друзей Г. Тукай был лидером и мог «режиссировать» даже условия съемки.

Несмотря на сохранившиеся воспоминания, не вполне понятно, кто точно изображен на фотографии, например, кто пятый запечатленный: Габделгани Губаев или Наджип Нигматуллин, а также кем является Сиразетдинов, имя которого пишется с разночтениями, – шакирдом или буфетчиком? Скорее всего, вопрос этот так и останется открытым. Однако эта большеформатная фотография ярко свидетельствует о том, с кем предпочитал общаться в Уральске молодой поэт, с кем чувствовал себя наиболее комфортно. В Казани Г. Тукай будет стараться искать другого общества, но найдет ту же разночинную среду...

Необычный, даже шокирующий вид Г. Тукая на снимке, вполне соответствовал тому образу жизни, который он вел последний год пребывания в Уральске. Он во всем пытался выделиться среди своих товарищей, например, курил в открытую, как вспоминал его соученик Гали Хикматуллин [Хикмәтуллин Г. Тукай турында исемдә калганнар // Казан утлары. 1966. № 6. 123 б.]. Был период, когда Тукай втянулся в политическую деятельность, революционный 1905 г. оказал влияние и на молодого шакирда. Во время работы в типографии поэт познакомился с русскими печатниками, которые принадлежали большевистской группе. Вместе с ними он принял участие в нелегальном издании плакатов и прокламаций, сам их расклеивал, участвовал в революционных демонстрациях, в том числе в первомайской 1905 г. После ареста друга – Габдуллы Кариева – за продажу нелегальных книг, Тукай резко остыл к большевистской идеологии: «...и мы покаялись», писал Г. Кариев [Кариев Г. Габдулла Тукаевның Уральскидагы тормышы // Мәктәп. 1913. № 4. 104–105 б.].

Оставшись без работы в типографии, Г. Тукай принял решение отправиться в Казань. Летом 1907 г. в Казани он заключил свой первый договор на издание двух сборников стихов в издательстве братьев Гильметдина и Шахара Шарафов. Окончательно переехал в Казань Г. Тукай уже осенью 1907 г.

Появление в Казани Тукая было описано поэтом Сагитом Рамиевым. Первая встреча с поэтом произвела на него неизгладимое впечатление: «С непокрытой головой, в темных очках, надел на себя старую одежду – то ли казакин, то ли плащ

6. Г.Тукай (первый справа) среди членов редколлегии газеты Эль-Ислах. Казань. 1907-1908.
Фотограф С.И.Иванов. Оригинал

6. «Эль-Ислах» газетасы редакциясе. Тукай - уңнан беренче. Казан, 1907–1908.
Фотограф С.И. Иванов. Оригинал

6. The members of the editorial board of the newspaper «El-Islah». Tukay - first from right. Kazan, 1907–1908.
S.I. Ivanov. Original

(жөббә), на ногах потрепанные штиблеты – такой неприглядный парень» [Рәмиев С. Икенче апрель көне // Ил. 1914. № 23, 2 апрель]. Именно таким мы видим его на последнем, сделанном в Уральске снимке (1906). Мягкий казакин и старые башмаки наглядно свидетельствуют – щегольской наряд остался в прошлом. С. Рамиев вспоминал, что в Казани Тукай перестал следить за своей внешностью и выглядел

крайне неприглядно [Рәмиев С. Икенче апрель көне]. По свидетельству Исмагила Рами, белые воротники, манжеты или накрахмаленные рубашки были для Тукая будто красная тряпка [Рәми И. Тукайны мин шулай хәтерлим // Совет мәктәбе. 1966. № 4. 40 б.]. Респектабельная одежда в его глазах была признаком буржуазности, а основным кругом общения в Казани стали представители низших слоев. Все это определило его характеристику как «человека, отвергающего этикет» [Сәгъди Г. Татар әдәбияты тарихы: дәрәслек-кулланма. Казан, 1926. 221 б.]. Можно объяснить это и юношеским максимализмом с нарочитым вызовом обществу, и нехваткой денег *(фото 6)*.

По прибытии в Казань осенью 1907 г. Тукай остановился в номерах «Булгар» по ул. Евангелистовская (перекресток нынешних улиц Татарстан и Московская).

Тукай приехал в Казань с надеждой «...чтобы учиться, чтобы стать интеллектуалом (зыялы)» [Фуад М. Оны-тылмаслык укенеч // Ил. 1914. № 23. 2 апрель]. Те, с кем пытался сблизиться Г. Тукай, – татарские журналисты, литераторы, студенты – объединялись вокруг редакций газет и журналов. Одним из важнейших изданий была газета «Әль-Ислах» («Реформа»), которая вначале выходила нелегально, как издание одноименной группы шакирдов. С осени 1907 до лета 1909 г. выходила легально. С газетой сотрудничали все татарские литераторы и интеллектуалы Казани того времени: Фатих Амирхан, Галиасгар Камал, Галимджан Ибрагимов, Сагит Рамиев, Кабир Бакир, Хусаин Ямашев и др. Вскоре в этот круг влился и Г. Тукай, печатавший в газете свои стихотворения. Официальным издателем был Вафа Бахтияров, однако фактическую работу по изданию вели Г. Тукай и Ф. Амирхан. Г. Тукай писал Г. Кариеву в Уральск в конце 1907 года: «... здесь

В начале XX в. коммерсант Фаткулла Ахмадуллин, арендовав один из нижних этажей дома, открыл гостиницу «Булгар», которая вскоре превратилась в своеобразный центр татарской культуры в Казани. Находившиеся у Соборной мечети рядом с Сенным базаром эти номера пользовались широкой популярностью среди татарской интеллигенции.

В угловом трёхэтажном здании «Булгара» нижний этаж был занят лавками и издательством «Магариф» (Просвещение), с которым сотрудничали Г. Тукай, Х. Ямашев, Г. Камал и другие представители татарской общественности, второй и третий этажи – номерами. С 1906–1916 гг. в здании «Булгара» находилась редакция газеты «Юлдуз» (Звезда) – самого популярного среди татар периодического издания. Её редактором и издателем являлся известный педагог и журналист А.-Х.Н. Максуди. В «Булгаре» в 1907 г. впервые начал свою работу «Восточный клуб», объединивший в себе лучших представителей татарской интеллигенции. А в 1908 г. в одном из номеров гостиницы открылась редакция газеты «Әль-Ислах» (Реформа), фактическим её руководителем являлся писатель Ф. Амирхан.

7. Г. Тукай. Фото на паспорту. Казань. 1908.
Фотограф С.И. Иванов. Оригинал

7. Г. Тукай. Паспартудагы фото. Казань. 1908.
С.И. Иванов. Оригинал

7. G. Tukay. Photos on the mat. Kazan. 1908.
S.I. Ivanov. Original

7-1. Оборот паспорту. Оригинал

7-1. Паспорту асты. Оригинал

7-1. The turnover of the mat. Original

весело. Много друзей из интеллектуалов, говорим, смеемся, читаем, делимся мыслями... И все же по приезде в Казань очень сильно болел. Похоже, воздух не подошел. По своей воле сотрудничаю с «Эль-Ислах». А жалованье получаю в другом месте» [Тукай Г. Әсәрләр: 4 томда. Казан, 1955–1956. Т. 4. 209 б.]. Почти год с ноября 1907 по 1908 гг. он проработал в издательстве «Китап» экспедитором. В этот период активной работы в газете «Эль-Ислах» Тукай и был сфотографирован с членами редколлегии газеты «Эль-Ислах» в фотостудии Семена Ивановича

Иванова (фото 6). На фотографии (слева направо): редактор и издатель газеты Вафа Бахтияров, театральный критик Габделькабир Бакир, идейный руководитель и активный сотрудник Фатих Амирхан, сотрудник редакции Ибрагим Амирхан, Габдулла Тукай. Композиция профессионально выстроена (особенно в сравнении с

8. Г.Тукай, С.Рамиев (в середине), Ф. Агиев (внизу). Казань. 1908. Фотокопия

8. Г. Тукай, С. Рэмиев (уртада), Ф. Агиев (аста). Казан. 1908. Фотокопия

8. G. Tukay, S.Ramiev (in the middle), F. Agiev (bottom). Kazan. 1908. Photocopy

групповой фотографией 1906 года из Уральска). На этом фоне как-то особенно заметно, что по сравнению со свободными позами щеголеватых казанских литераторов Г. Тукай выглядит довольно скованно. Снимок сделан Семеном Ивановичем Ивановым (начало XX века), владельцем фотографической студии, располагавшейся на углу улиц Лобачевского и бывшей Покровской (ныне ул. Карла Маркса, 32/12) в доме Пальчиковой.

Существует два подлинных отпечатка групповой фотографии членов редколлегии – в фонде Национального музея РТ и ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. На обороте паспарту снимка (отпечатано в типографии И. Скамони в Санкт-Петербурге) из Национального музея РТ надпись «Фотография С.И. Иванова. Казань, Лобачевская улица, дом Пальчиковой». Там же арабской графикой и кириллицей написано «Вафа Бахтияров, Габделькабир Бакир, Фатих Амирхан, Ибрагим Амирханов, Габдулла Тукай», проставлена дата «1907».

В 1908 г. в той же в фотостудии Семена Иванова был сделан наиболее известный, уже хрестоматийный портрет Г. Тукая в тюбетейке, белой сорочке, галстукe, черном пиджаке, соз-

Во второй половине XIX в. дом принадлежал Л.И. Пальчиковой. Ее муж Николай Евграфович Пальчиков (1838–1888) серьезно увлекался изучением фольклора. Супруги Пальчиковы находились в самом центре тогдашней музыкально-театральной жизни города. Поэтому не случайно, что именно в доме Пальчиковой в начале девяностых годов XIX в. разместилась знаменитая «Музыкальная школа свободного художника Гуммерта», которая просуществовала в этом здании с 1907 по 1917 г. В 1912 г. хозяйкой дома стала И.В. Лихачева, родственница А.Ф. Лихачева, чья коллекция стала основой собрания Национального музея Республики Татарстан. В казанской школе можно было получить образование по классу фортепиано, скрипки,

теории композиции, обязательной теории и гармонии, совместной игры для скрипачей, хорового пения, игры на духовых инструментах. С 1919 по 1922 г. здесь находилась Восточная консерватория, а с 1922 по 1924 год – Восточный техникум. Впервые в истории города сюда, в дом Пальчиковой, к Рудольфу Августовичу пришли постигать тайны музыки и основы исполнительского искусства юноши-мусульмане. Так, в классе К.И. Русса учился играть на скрипке будущий руководитель оркестра при Восточном клубе Вали Апанаев, а у О.О. Родзевича в 1913–1917 гг. брал уроки по классу фортепиано композитор Салих Сайдашев. С 1922 по 1932 г. в этом здании жил татарский композитор Султан Габяши.

данный по настоянию издателя Бургана Шарафа для печатных изданий **(фото 7)**. В студию на Черном озере Г. Тукая привел Гильми Шараф. Когда Тукая посадили на скамью, Г. Шараф снял с себя каляпуш и надел на поэта. На протесты Тукая, ответил, что это необходимо, чтобы придать ему респектабельности. Затем Г. Шараф пошептался с фотографом. Как потом выяснилось, его просьба заключалась в том, чтобы сделать субливного Г. Тукая на портрете более солидным, полным.

Портрет получился настолько удачным, что некоторые даже засомневались, действительно Тукай ли это [Эхмэрова Н. Без дә шагыйрьне күреп калдык // Тукай турында истәлекләр / ред. И. Нуруллин. Казан, 1986. 207 б.; Фридерих М. Тукай как объект идеологической борьбы. Казань: Татар книж. изд-во, 2011. С. 86–88]. Поэт здесь изображен круглолицым, со спокойным взглядом. Ему и самому очень нравилась эта фотография, он дарил ее друзьям. Так, на снимке, хранящимся в архиве ИЯЛИ АН РТ есть его автограф с посвящением «Уважаемому Габделкаюму-эфенди на память». 12 июля 1909», другу Каюму Мустакаеву, записавшему воспоминания об этой съемке Г. Тукая.

Когда Г. Тукай получил эту фотографию, то стал переживать, как бы не пришло кому-нибудь в голову опубликовать его раннюю фотографию из Уральска, где он был снят в татарском бешмете, кепке, а в руках у него был журнал «Мулла Насретдин». Пролетарский вид плохо соотносился с новым обликом успешного поэта [Мостакаев К. Тукай турында исемдә калганнар // Тукай турында замандашлары.

Казан: Татар. кит. нәшр., 1960. 124–125 б.]. Фактически, это самый первый снимок поэта, вышедший в печати. Дальнейшие фотографии почти все выглядели респектабельно, а галстук и пиджак с рубашкой стали неизменным атрибутом облика молодого поэта. Именно издатели Шарафы позаботились сделать Тукая таким татарским денди начала прошлого века.

На обложках очень многих изданий помещается именно это фотоизображение. Портрет стал эталонным для фотооткрыток, плакатов, сборников, альбомов, произведений живописи и т.п. Снимок сделан на паспарту с именем С.И. Иванова. На обратной стороне адрес фотосалона: Казань, ул. Лобачевского, д. Пальчиковой.

Еще один снимок находился у Зайтуны Мавлюдовой, девушки, которой симпатизировал поэт. На обороте паспарту посвящение рукой Тукая: «На память Кариеву» (Габдулла Кариев – близкий друг Тукая еще с Уральска). Снимок был подарен ему Г. Тукаем в 1910 г. В этом же году Габдулла Кариев со своей труппой «Сайяр» побывал в Чистополе. Там он встретился с Зайтуной Мавлюдовой, которая и получила эту фотографию от него. Зайтуна Мавлюдова умерла в Казани в 1950 году. Ее сын – писатель Атилла Расих – передал фотографию в Национальный музей РТ.

9. Г. Тукай (в центре), Г. Газиз (слева), Г. Кулахметов (справа). Казань. Около 1910. Национальный архив РТ.

9. Г. Тукай (уртада), Г. Газиз (сулда), Г. Коләхмәтов (уңда). Казан. 1910 ел тирәсе

9. G. Tukay (center), G. Gaziz (left), G. Kulahmetov (right). Kazan. Around 1910

На обороте фотографии автограф: «2 января 1909. Уважаемой госпоже Мавлюдовой Зайтуне в подарок. С. Рахманколы» (арабской графикой).

В 1910 г появилась фотография, сохранившаяся в качестве своеобразного монтажа (очевидно, результат советского времени), где Г. Тукай в центре, слева Г. Газиз и справа – Г. Кулахметов (НА РТ) *(фото 9)*.

Поездки Тукая практически не отразились в его фотобиографии, однако путешествие в Астрахань стало исключением. Поездка Габдуллы Тукая в Астрахань достаточно подробно описана исследователями [Загидуллина Д. Габдулла Тукай

в Астрахани // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2006. № 1 (43); Нафигов Р. О поездке Тукая в Астрахань // Тукаевские чтения: материалы выступлений. Апрель, 1999 г. Казань, 2000. 161 с.]. Тем не менее есть пробелы в освещении этого тукаевского путешествия. Например, не попадала в сферу изучения казанских тукаеведов личность известного астраханского фотографа Ивана Митрофановича Бочкарева, который имел непосредственное отношение к пребыванию Габдуллы Тукая в Астрахани и, конечно, встречался с ним.

Авторству И.М. Бочкарева принадлежат известные две фотографии и почтовые открытки, связанные с именем Г. Тукая, сделанные во время его приезда в Астра-

И.М. Бочкарев (1872, Саратов – 1920-е, Астрахань) был уроженцем Саратова, проявил себя как фотограф, живописец, декоратор, издатель популярных открыток. Приехал в Астрахань в 1898 г. из Пермской губернии, где жил три года в Нижнетагильском заводе. К фотodelу имела отношение и его первая жена. После переезда в Астрахань дела у семьи Бочкаревых пошли довольно неплохо. Уже через пять лет, 24 июня 1903 г., саратовская мещанка Анна Петровна Бочкарева берет свидетельство на открытие своей фотографии: она снимает ателье на реке Кутуме у Сапожниковского моста в доме коллежского регистратора Михаила Алексеевича Козлова. В «Астраханском вестнике» от 10 августа 1903 г. появляется объявление: «Художественное и быстрое исполнение всех фотографических работ: портретов, групп и увеличений на невыцветающей роскошной белой глянцевой бумаге, а также платиноматовые снимки и миниатюрные марки с портретами. Имеются в продаже виды г. Астрахани» [цит. по: Нагайкина С.И. Фотография в Астрахани. 1861–1920. Очерки по истории губернской фотографии. Астрахань: Тип. Новая линия, 2011]. Своим ателье А.П. Бочкарева владела один год. Фотографии печатались на фирменном бланке с адресом: Набережная р. Кутума, дом М.А. Козлова. Ателье предоставляло широкий ассортимент услуг и продолжало их расширять. Меньше чем через год появляется новое интересное предложение от ателье А.П. Бочкаревой: «Из-

готавливаются семиэмалированные, в изящной оправе броши, запонки, брелоки и проч. с фотографическими портретами. Исполнение через 3 дня. Броши, запонки от 3 руб. Изящные подарки к празднику» [цит. по: Нагайкина С.И. Фотография в Астрахани...].

В 1904 г. Анна Петровна решила передать фотографию своему мужу. 5 августа 1904 г. она обращается к Астраханскому губернатору с прошением. Как и полагается в таких случаях, Иван Митрофанович был проверен в полиции, крамолы не нашли [там же]. В результате с 3 сентября 1904 г. владельцем фотографического заведения стал тридцатидвухлетний И.М. Бочкарев, ателье находилось там же, в доме Козлова близ Сапожниковского моста на р. Кутум. Позднее адрес указывался как Набережная реки Кутума, в доме Макарова, вероятно, это тот же бывший дом М. Козлова (до 1909 г.).

Фотodelо И.М. Бочкарева успешно развивалось. Его ателье было оборудовано новейшими аппаратами, в павильоне использовалось много различных фонов и мебели. Помимо разнообразных фотографий, производилось увеличение портретов светописью, карандашом и в красках и предлагались всякие модные новинки, например фото-эмаль. Бочкарев успешно налаживает выпуск открытых писем, где изображены, прежде всего, виды Астрахани и ее окрестности [Марков А., Львов С. Астрахань на старинных открытках. Астрахань: Волга, 1999]. Причем в отличие от многих изда-

телей он печатает открытки со своих собственных фотографий. Открытки выпускаются большими тиражами типографским способом (фототипия). Также издается большое количество малотиражных фототкрыток с изображением видов города, сада «Аркадия», красочных восточных базаров. И.М. Бочкарев делает также видовые съемки окрестных приволжских сел, которые на сегодня имеют ценное значение для этнографии местных народов.

В начале XX в. ателье И.М. Бочкарева считалось одним из лучших в городе. Работы фотографа экспонируются на нескольких международных выставках, на двух получают награды. Так, в 1905 г. он был удостоен Большой серебряной медали на выставке в Брюсселе, а в 1906 г. – Золотой медали, почетного креста и диплома на выставке в Антверпене.

В 1909 г. И.М. Бочкарев переводит свое ателье из дома Макарова на Кутуме (б. дом Козлова) в самый центр города, в бывшую «Центральную фотографию» А.Д. Розовенко на улице Ахматовской, в дом Маркова, рядом с Гостино-Николаевской церковью. По этому адресу ателье работает два года, затем становится отделением новой фотографии Бочкарева. Именно в стенах

этого ателье и мог сниматься Габдулла Тукай (на обороте паспарту его фотографий адрес не был указан).

В 1909 г. И.М. Бочкарев сфотографировал приезжавшего на гастроли в Астрахань уроженца Казани – Федора Ивановича Шаляпина. Великий певец изображён с друзьями на ступенях кумысной лавочки в Астрахани. В руках у них кружки с кумысом. В углу сидит собака – любимый сеттер певца. Эта фотография малоизвестна.

15 августа 1911 г. фотоателье И.М. Бочкарева переводится во вновь построенный «в модном стиле специально для фотографии» собственный деревянный дом на Католической (Бабушкина) улице против бани Чернова. Сбылась давняя мечта – собственный дом, прекрасно оборудованное фотографическое ателье и художественная мастерская, где он занимался живописью. С 1912 г. официальный адрес фотоателье: «Улица Католическая, собственный дом».

После Октябрьской революции 1917 г. дом на Католической улице был национализирован, хотя ателье продолжало работать. Его фотография работает до 1920-х гг. и закрывается одной из самых последних. Последняя фотография Бочкарева датируется 12 февраля 1920 г. Дальнейшая судьба фотографа неизвестна.

хань весной 1911 г. Фотограф дружил с Шахидом Гайфутдиновым (Гайфи) (1881–1925), учителем в астраханской деревне Калмык Базары (Калмыцкий Рынок). Еще до приезда Г. Тукая в Астрахань Шахид Гайфи задумал серию фотооткрыток, которые иллюстрировали бы популярные литературные произведения и одновременно служили пропаганде татарского театра. Он находил сюжеты, гримировался, а Бочкарев фотографировал. Эти фотографии, на которых изображены герои литературных произведений, Иван Митрофанович отправлял в одно из берлинских издательств, печатавшее их в виде цветных и черно-белых открыток.

Как только в Астрахани появился Тукай, Гайфи тут же решил опубликовать открытку на тему одного из тукаевских стихотворений. Выбор пал на «Молитву шейха». Описание этих съемок оставил брат Шахида Гайфи Ханафи. [Гайфетдинов Х. Калмык базарында / Тукай турында замандашлары. Казан: Татар. кит. нәшр., 1960. 151 б.]. Герой сатирического стихотворения возносит хвалу пятернице, начинающей-

ся на «каф», то есть пяти предметам, название которых начинается с буквы «к»: «казы» – колбаса, «кузый» – ягненок, «каз» – гусь, «кымыз» – кумыс и «кыз» – молодка, красотка. От имени всего духовного сословия шейх молит Аллаха не лишая духовенства этих пяти благ.

И.М. Бочкаревым была сфотографирована сценка, где Шахид нарядился шейхом, приклеил седую окладистую бороду. Свою молодую жену – туркменку Нурбибу – нарядил «красоткой», а остальные четыре предмета из пятерницы предоставил предприниматель Туликов. На открытке на ковре сидел шейх, воздев руки для молитвы. Рядом с ним волоокая «молодка». На скатерти соответственно колбаса, жареный гусь, барашек и кумыс... «Живописная» композиция выдает в фотографе профессионального художника (*фото 10*).

Фотография была издана на цветных открытках на русском и татарском языках со строчками из стихотворения Тукая «Песнопение (молитва) одного шейха» (1908).

И, Ходай! Мәгълүм сиңа, тик яхшылык касдымыз,
Зикремездер: казы, кузы, яшь кенә кыз, каз, кымыз.
Юкны сөйлиләр жәдитләр, чыннан әһлинсафлә без,
Мактыйбыз ич Тәңремезне иштә бу биш «каф»лә без
[Тукай турында истәлекләр. Казан, 1986. Б. 151].

(О, Аллах! Тебе известно, что наша цель только благая,
Наше восхваление: вяленое мясо, молодая баранина, молодая девушка, гусь, кумыс.
Неверное говорят джадиды, в действительности мы люди благочестивые,
Ведь мы восхваляем Тенгре вот с этим «каф»ом (перевод Д. Загидуллиной).

10. Почтовая открытка. Инсценировка стихотворения Г.Тукая «Молитва шейха». Астрахань. 1911. Фотограф И.М.Бочкарев

10. Почта открыткасы. Г. Тукайның «Бер шәехнең мөнажәтә» шигыре буенча. Әстерхан. 1911.

Фотограф И.М. Бочкарев. Фотокопия

10. Postcard. Astrakhan.1911. I.M. Bochkarev. Photocopy

Таким же образом были театрализованы стихотворения «Парень и девушка», «На шею дьяволу».

Надо сказать, свое путешествие в Астрахань на пароходе Г. Тукай частично описал в очерке «Маленькое путешествие». Им самим описана собственная внешность в шутовском тоне. Он рассказывает, как спустился из своего третьего класса в четвертый к простонародной публике. Там «какой-то русский с огромным животом, показывая пальцем на меня, кому-то говорит: «Смотрите, барышня!». Мои длинные и мягкие, как у женщины, волосы падают на плечи. Руки необыкновенно тонки. Тело худощавое. Видимо, я действительно похожу на «барышню» [Тукай Г. Избранное: в 2 т. Казань: Татар. кн. изд-во, 1961. Т. 2. С. 200]. В Астрахани в облике Г. Тукая произойдут некоторые метаморфозы, о чем можно судить по фотографиям.

По приезду в Астрахань Тукай сначала остановился в гостинице «Люкс», потом переехал в чердачную комнату в доме Даута Мухаммедова, где жил тогда его друг Сагит Рамиев (в 1910 году С. Рамиев перебрался в Астрахань, чтобы работать редактором в издающейся здесь газете «Идель»), в крупном татарском районе Тияк (Царевой слободе) (дом сохранился). Через три недели Тукай

11 Г.Тукай, С.Рамиев, Ш.Гайфи (на веслах). Астрахань. 1911. Фотограф И.М.Бочкарев.Оригинал

11. Г. Тукай, С. Рамиев, Ш. Гайфи (ишкэк белән). Әстерхан. 1911. И.М. Бочкарев. Оригинал

11. G. Tukay, S. Ramiev, Sh. Gayfi (rowing). Astrakhan. 1911. I.M. Bochkarev. Original

11-1. Оборот паспарту

11-1. Паспарту асты

11-1. The turnover of the mat

переехал от С. Рамиева к Шахиту Гайфи в деревню Калмык Базары. Там он поселился в здании школы в одной комнате с хозяином и продолжал отдыхать.

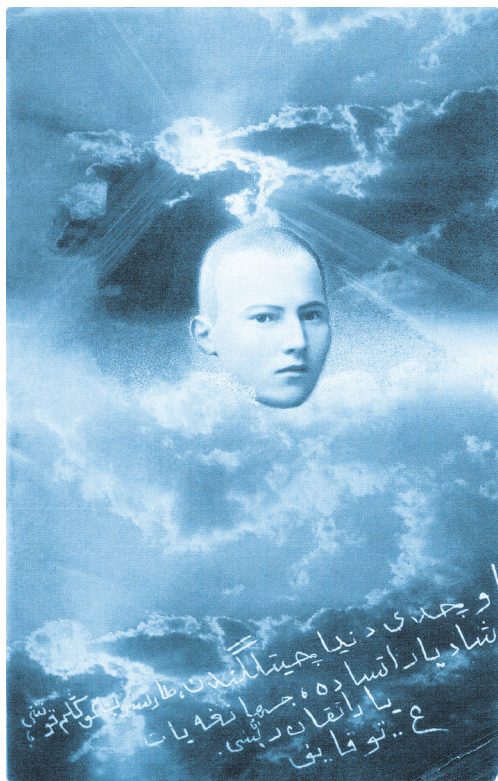
И. Бочкаревым были сделаны получившие большую известность групповые снимки Тукая и его астраханских друзей. Особенно это касается студийной фотографии Г. Тукая, С. Рамеева и Ш. Гайфи, снятых в бутафорской лодке (*фото 11*). На веслах Шахит Гайфи. Позднее Ш. Гайфи также отдельно издал фрагмент этого снимка с портретом поэта на почтовой карточке (*фото 12*). Именно этот портрет получил большое распространение при печати в дальнейшем. На лицевой стороне карточки надпись арабской графикой: «Я врагам не отомстил, вышли силы, сломан меч, В битве с грязью сам погряз, мир очистить я не смог. Г. Тукаев». Этот же фрагмент фотографии, но уже «художественно» оформленный, был издан в том же году в Казани как почтовая карточка (*фото 13*). На открытке - небо и облака, из-за облака выходит солнце, на этот фон путем монтажа помещена «голова Тукая». На лицевой стороне надпись арабской графикой: «В клетке мира было тесно птице сердца моего; Создал Бог ее веселой, но мирской тщете чужой. Г. Тукаев». Очевидно, открытка также была сделана в рекламных целях (фонд Национального музея РТ и ИЯЛИ). Видно, в Астрахани Тукай отрезал свои длинные волосы и позировал уже бритым. Возможно, это своеобразная попытка «вписаться» в местное общество. Отдельно фрагмент этой фотографии с портретом Тукая появился и в 1913 г. В 1914 г., после смерти поэта, Ш. Гайфи издал в Астрахани те же два портрета Тукая, реальный и «художественный», основой которых был реальный портрет 1911 г. авторства И.М. Бочкарева (фрагмент фотографии с бутафорской лодкой).

12. Г. Тукаев. Почтовая открытка.
Издание Ш. Гайфи. Астрахань. 1911.
Оригинал

12. Г. Тукаев. Почта открыткасы.
Ш. Гайфи басмасы. Әстерхан. 1911.
Оригинал

12. G. Tukay. Post card. Issue Sh Gayfi.
Astrakhan. 1911

13. Г. Тукай. Почтовая открытка. Казань. 1911

13. Г. Тукай. Почта открыткасы. Казан. 1911

13. G. Tukay. Post card. Kazan. 1911

ных городских костюмах, только у одной из них на голове шаль. Несколько мужчин одеты в каляпуши, любимый головной убор татарской интеллигенции. Тукай выглядит здесь совсем юным. Никакие детали одежды не выдают в нем татарина, на голове у него – фуражка, одет он в городской камзол или пиджак.

Еще одна фотография, относящаяся к путешествиям Г. Тукая, не сохранилась. На обложке книги Кабира Бакира «Тукай в Петербурге», вышедшей в 1914 г. в Орен-

Перед отъездом Г. Тукая из Астрахани в его честь в Зимнем театре под руководством артиста Зайни Султанова был организован большой вечер, после которого все участники были сфотографированы И.М. Бочкаревым (фото 14). На этом вечере впервые выступила актриса Сара Байкина. На снимке были сняты семнадцать человек. Обычно называются имена некоторых из них. Так, в среднем ряду слева: артист Зайни Султанов, Габдулла Тукай и поэт Сагит Рамиев, в третьем ряду третий слева – Шахид Гайфи. Имена всех сфотографированных атрибутированы Р.Ф. Исламовым. Так, на вечере присутствовали Карим Сулейманов, Басыр Габдуллин, Гадерахим Адаков, Туктар Диникиев, Касым (Миркасым) Туйбактин, Зайни Солтанов, Габдулла Тукай, Сагит Рамиев, Сафи Биккинин, Давыд Мухаммадев, Хажар Мухаммадев, Диникиева, Габдерахим Самаки, Рахим Басыри, Шахид Гайфи, Абубакер Мазини, Зулькарнай Байкин [Исламов Р. Тукайның ничэ фотосы бар? // Мәдәни жомга. 2015. 17 апрель]. На этом групповом фото элементы одежды не выдают национальную принадлежность: мужчины одеты в городские, современные костюмы, пиджаки, также как и две женщины справа – в современ-

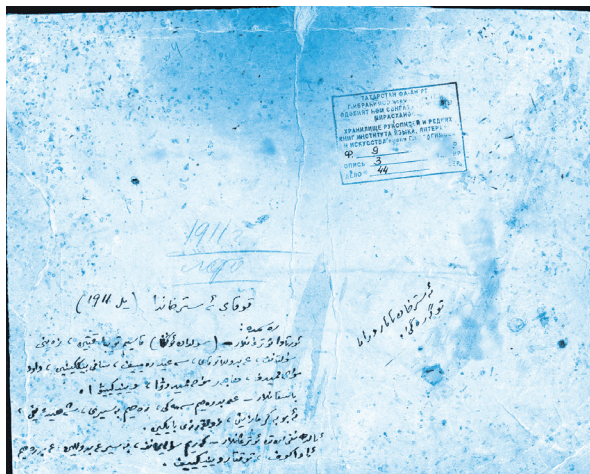

14. Г. Тукай (во втором ряду, третий слева) среди членов татарского драматического кружка. Астрахань. 1911.
Фотограф И.М.Бочкарев. Оригинал

14. Татар драма түгәрәге әгъзалары. Урта рәттә сулдан: Зәйни Солтанов, Габдулла Тукай, Сәгыйть Рәмиев. Әстерхан. 1911.
Фотограф И.М. Бочкарев. Оригинал

14. The members of the Tatar drama circle. In the middle row from left: Zayn Sultanov, Gabdulla Tukay, Sagit Ramiev. Astrakhan. 1911.
I.M. Bochkarev. Original

14-1. Оборот паспарту

14-1. Паспарту асты

14-1. The turnover of the mat

бурге [Кабир Бакир. Тукай Петербуртта. Оренбург: Электро-паровая лито-типография Товарищества «Каримов, Хусаинов и Ко», 1914. 64 с. (на татарском языке, арабская графика)], есть его изображение, отвечающее всем лучшим стандартам образа классика татарской литературы (**фото 15**). Можно предположить, что фотография была сделана в Санкт-Петербурге, где проживал тогда К. Бакир, являясь секретарем мусульманской фракции Третьей Государственной думы. К. Бакир организовывал проживание Тукая (которого знал еще по Казани) в Петербурге, по следам этих

15. Г. Тукай. Предположительно портрет 1912. Обложка книги Кабира Бакира. Тукай в Петербурге (Оренбург, 1914)

15. Г. Тукай. 1912 елгы портрет (?). Кабир Бакернең "Тукай Петербуртта" китабы тышлыгы (Оренбург, 1914)

15. G. Tukay. Presumably portrait 1912. Book cover Kabir Baqir. «Tukai in St. Petersburg» (Orenburg, 1914)

встреч и появилась его книга «Тукай в Петербурге». Сам снимок впоследствии нигде не появлялся и на открытках не печатался, оставшись раритетным изображением.

Популярность Г. Тукая еще при жизни была необыкновенной, чему свидетельством являются многочисленные фотокопии с оригинальных снимков или печатных изданий, а также фотооткрытки и почтовые карточки. В архивах сохранились многочисленные фотокопии и открытки с красноречивыми дырочками в верхней части снимков. Некоторые из изображений распространялись издательствами, например, «Гасыр», «Вақыт» и др., а также печатались в книгах произведений Г. Тукая. Интересным является изображение, которое можно датировать 1909-1911 гг., неоднократно издававшееся, известное по открыткам (*фото 16*). Тукай был снят в пиджаке и галстуке, без головного убора, благодаря чему видны его достаточно длинные волосы, зачесанные назад. Как видим, после Астрахани, Тукай стригся очень коротко, а здесь еще мы видим прежний облик. На одной из фотокопий Тукай, даря ее Ф. Амирхану, написал: «Фатих! Получай давно обещанное фото без головного убора (на память). Г. Тукаев. 1911 год. 15 февраля» (архив ИЯЛИ). Вообще, этот достаточно представительный облик в пиджаке и галстуке, окажется доминирующим в индивидуальных фотографиях Тукая в последние годы. Можно предположить, что такие фотографии делались во многом в рекламных, коммерческих целях.

Благодаря фотографии исчезли некоторые стереотипы визуального восприятия мира у татар. Интересный факт приводит Л. Габдрафикова. Примерно в 1912-1913 гг. в казанской библиотеке клуба «Шэрык» («Восток») была организована небольшая художественная выставка, одна из первых в татарской среде, где экспонировались портреты (скорее всего фотографические) татарских писателей

شاعر مشهور عبد الله طوقايف .

16. Г. Тукаев. Открытое письмо.

Казань. 1910-1911

16. Г. Тукаев. Ачык хат.

Казан. 1910-1911.

16. G. Tukay. Open letter.

Kazan. 1910-1911

Г. Тукая, Ф. Амирхана и др. [Габдрафикова Л. «Помните меня без рисунка» (распространение фотографических услуг среди татар в конце XIX – начале XX в.) // Эхо веков. 2012. № 1/2]. Одним из организаторов выставки был Сабит Яхшибаев [Урманче Б. Татарстанның сынлы сәнгәте // Совет әдәбияты. 1960. № 10. Б. 138].

Во многом благодаря народной любви к поэту появляется серия снимков Кыяма Зульфакарова (1870–1921). Фотографии родных мест Тукая в Заказанье были сделаны К. Зульфакаровым, муэдзином казанской мечети Иске-Таш, в 1912 г. и опубликованы в 1914 г. в книге Дж. Валиди «Г. Тукай. Биография и творчество». Благодаря ему мы можем увидеть, как выглядела еще при жизни поэта его малая родина – деревня Кушлауч – и дом, где он родился.

Необходимо отметить целую серию снимков Г. Тукая с друзьями. Больше всего рядом с Тукаем фигурировали Сагит Рамиев (1880 – 1926) и Фатих Амирхан (1886 - 1926) – сохранились снимки, в которых вместе с поэтом они снялись не менее трех раз.

С поэтом Сагитом Рамиевым Тукай фотографировался в 1908 г. в Казани, а также дважды – в Астрахани в 1911 г., о чем уже шла речь. Отношения дру-

зей были сложными, тем не менее они продолжали общаться, в том числе и в Астрахани, куда уехал С. Рамиев; поэт с ним не только встречался, но и жил у него дома. Более ранняя фотография, предположительно 1908 г., запечатлела трех юных и прекрасных в своей вдохновенности поэтов: на переднем плане, стоит на колене – Фахрелислам Агиев, сидит на скамейке – Сагит Рамиев, на заднем плане – Габдулла Тукай (*фото 8*). К сожалению, снимок является копией с оригинала.

По настоящему близким другом Г. Тукаю до конца жизни был Фатих Амирхан. Тукай писал о своем друге: «По едкости и глубине своего юмора Амирхан – наш Гоголь, по красоте стиля – Тургенев, как психолог – он похож на Достоевского» [цит. по: Аги Ф. Амирхан // Литературная энциклопедия: в 11 т. [М.], 1929–1939. Т. 1. [М.]: Изд-во Ком. Акад., 1930. Стб. 111–112].

О первом известном снимке с Ф. Амирханом – фото редакции газеты «Эль-Ислах» (1908) – речь уже шла. Примерно в 1912 г. друзья снялись в групповой фотографии, которая сохранилась фрагментарно (*фото 17*). Она представляет собой трагический образец эпохи репрессий. От когда-то многофигурного снимка осталась только центральная

17. Г. Тукай с друзьями Ф.Амирханом (в первом ряду), Г. и К. Кулахметовыми. Казань.1912. Оригинал. Сохранившийся фрагмент фотографии (возможно, фотограф И.М.Якобсон)

17. Г. Тукай дуслары белән: Фатих Әмирхан (беренче рәттә), Гафур һәм Каюм Кулахметовлар. Казан. 1912. Оригинал. Фотографиянең сакланып калган өлеше. Фотограф И.М. Якобсон (?)

17. G. Tukay's friends: Fatih Amirkhan (first row), and Gafur, Kayum Kulakhmetovs. Kazan.1912. Original. The preserved part of the photo (photo opportunity Jacobson I.M).

часть, на которой запечатлены четыре человека – Г. Тукай и Ф. Амирхан, а также Гафур и Каюм Кулахметовы. Фотография неровно обрезана с двух сторон и представляет собой узкую полоску с фрагментом паспарту внизу. Иконографически изображение Г. Тукая здесь очень напоминает парный фотопортрет, сделанный вместе с Ф. Амирханом: похожи прически, выражение лица, небольшой наклон головы Тукая вправо (*фото 18*). Эта парная с Ф. Амирханом фотография обычно датируется во всех изданиях 1908 г. Так она атрибутируется и в Центре письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова.

За несколько месяцев до кончины Тукай был запечатлен одним из лучших фотографов Казани начала XX века – Иосифом Мееровичем Якобсоном. Эти фотопортреты можно считать лучшими в иконографии Габдуллы Тукая.

И. Якобсон, один из двух братьев – владельцев фотографической фирмы, располагавшейся на Воскресенской улице в доме Ш.М. Алкина (ныне ул. Кремлевская, 23/17) с 1906 г. В 1909 г. на Научно-промышленной выставке получил золотую медаль. Можно сказать, И. Якобсон – последний фотохудожник, запечатлевший облик Г. Тукая. В 1912 г. им была создана целая серия портретов поэта. Один из портретов сделан в фас, впоследствии был неоднократно издан в качестве открыток (*фото 19*). Известен вариант портрета с автографом Тукая на лицевой стороне карточки: «Уважаемым Ахметгарею и Абдрахману на память. 5 августа 1912 г. Г. Тукаев». Портрет с автографом и без неоднократно репродуцировался и является основой для многочисленных произведений изобразительного искусства.

18. Г.Тукай и Ф.Амирхан. Казань. 1912. Фотограф И.М.Якобсон (?). Оригинал.

18. Г. Тукай һәм Ф. Әмирхан. Казан. 1912. Фотограф И.М. Якобсон (?). Оригинал

18. G. Tukay and F. Amirhan. Kazan. 1912. Perhaps the photographer I.M. Jacobson. Original

Второй портрет снят И. Якобсоном в три четверти (**фото 20**). Это, пожалуй, одно из самых выразительных изображений поэта. Фотографу удалось не только поймать характерное выражение лица и пронзительный взгляд, но и отразить нечто неуловимое в облике – надвигающуюся трагедию ухода, значительность личности поэта. Возможная дата создания фотографии – 26 июля 1912 г., так это указывается в траурном номере журнала «Анг» за апрель 1913 г. [Габдулла Тукай: фотоальбом. Казань:

Татар. кит. нәшр., 1978. 136 б.]. На снимках 1912 г. явно видны следы съедающей поэта болезни, он изображен сильно похудевшим и изможденным. На лицевой стороне фотографии на паспорту имеется логотип «Художественная фотография И. Якобсона». На обороте автограф Г. Тукая «На память другу Махмуду. 13 октября, Г. Тукай, 1912» (арабская графика).

Понятно, что первая и вторая фотографии сняты в одно время, одним автором. Но также обращает внимание и то, что на парной фотографии с Ф. Амирханом Г. Тукай выглядит точно так же, как и на описанных выше фотографиях. Идентично здесь все – прическа, костюм, полосатая рубашка, галстук и даже фон –

Габдулла Тукаевъ.
Съездивъ изъ Казани.

19. Г.Тукай. Почтовая карточка. Казань. 1912. Фотограф И.М.Якобсон. Оригинал

19. Г. Тукай. Почта карточкасы. Казан. 1912. Фотограф И.М. Якобсон Оригинал

19. G. Tukay. Open letter.. Kazan. 1912. I.M. Jacobson. Original

20. Г. Тукай. Казань. 1912.
 Фотограф И.М.Якобсон. Оригинал
 20. G. Tukay. Портрет. Казан. 1912.
 Фотограф И.М. Якобсон. Оригинал
 20. G. Tukay. Portrait. Kazan. 1912.
 I.M. Jacobson. Original

несколько месяцев умирающего поэта в клинике Г.А. Клячкина (ныне ул. Островского, 11/6). Сюда 26 февраля 1913 г. по настоянию своих друзей поэт лег на обследование и лечение. Один из лучших казанских специалистов, доктор медицины Роман Альбертович Лурия согласился стать лечащим врачом больного туберкулезом поэта. 1 марта в газете «Кояш» сообщалось, что по причине

светлый с цветочными разводами. Вывод логически напрашивается один – все эти фотографии сделаны в один день, и одним и тем же мастером. Было бы корректно добавить сюда и групповую фотографию с Ф. Амирханом, Г. и К. Кулахметовыми, это заметно по схожести портрета Г. Тукая описанным выше, и, возможно, остатку паспарту. В данном случае нужно говорить именно об общности автора снимков. Поскольку имя фотографа точно указывается на паспарту индивидуальных фотопортретов Г. Тукая, то делаем вывод: парная фотография с Ф. Амирханом, фотография с Г. и К. Кулахметовыми и две фотографии отдельно самого Г. Тукая, созданы одним фотографом, который делал свои работы на фирменных паспарту с адресом мастера. Хотя сделаны фотографии в разное время, можно их объединить – три фотографии сняты в одно время и одна в другое – одним и тем же фотографом – Иосифом Якобсоном.

И.М. Якобсону выпала и нелегкая задача сфотографировать через не-

20-1. Оборот паспарту
 20-1. Паспарту асты
 20-1. The turnover of the mat

21. Г. Тукай в больнице Г.А.Клячкина. Казань. 1 апреля 1913. Фотограф И.М.Якобсон. Оригинал

21. Г. Тукай Г.А. Клячкин хастаханәсендә. Казан. 1913 елның 1 апреле. И.М. Якобсон. Оригинал

21. G. Tukay in hospital of G.A. Klyachkin. Kazan. April 1, 1913. I.M. Jacobson. Original

ухудшения здоровья Тукай отправлен в Клячкинскую больницу. Несмотря на усиливающийся недуг, Г. Тукай и в больнице продолжал писать стихи, готовил к изданию очередной сборник своих произведений, внимательно следил за публикациями в татарской прессе. Там им была написана последняя статья «Уянгач беренче эшем» (Первое дело по пробуждению), опубликованная в газете «Кояш», которая может считаться духовным завещанием Г. Тукая. К сожалению, продолжавшееся больше месяца лечение не дало положительных результатов, и 2 (15) апреля 1913 г. в 8 часов 15 минут вечера великий татарский поэт

Габдулла Мухаметгарифович Тукай скончался. Предчувствуя конец, друзья поэта, с его разрешения, пригласили в клинику фотографа И. Якобсона. Две фотографии были сделаны им буквально за день до кончины Г. Тукая – 1 апреля 1913 г. Как вспоминал Шихап Ахмеров, через 28 часов после этого Тукая не стало.

توای نینگ ۋولادەن در ئاتنا ئاك ئالەمان ۋە ۋە. توقای باتنداشلار:
عابو الاكارىف، فاتىمىچ سەيفى، ش. ئەخمېروف.

22. Первоначальное изображение фотографии Г.Тукая в больнице Г.А.Клячкина. У кровати - Г.Кариев, Ф.Сайфи-Казанлы, Ш.Ахмеров (слева направо). 1 апреля 1913. Фотограф И.М.Якобсон. Оригинал не сохранился

22. Г. Тукайның Г.А. Клячкин хастаханәсендә алынган сурәтенең башлангыч варианты. Сулдан уңга: Г. Кариев, Ш. Әхмәров, Ф. Сәйфи-Казанлы. 1913 елның 1 апреле. И.М. Якобсон. Оригинал сакланмаган.

22. The original image photos G. Tukay in hospital of G.A. Klyachkin. From left to right: G. Kariev, Sh Ahmerov, F. Saifi-Kazanli. April 1, 1913. I.M. Jacobson. The original has not been preserved.

Друзья (друг юности по Уральску – Габдулла Кариев, журналист Шихап Ахмеров, писатель и ученый Фатих Сайфи-Казанлы) решили сфотографироваться с умирающим поэтом (**фото 22**). Он был запечатлен лежащим на постели, с запрокинутыми за голову руками. Рядом с кроватью видна часть круглого столика, заваленного листами бумаги. Однако фотография сохранилась в деформированном виде: все те, кто ухаживал за умирающим Тукаем, были вырезаны. На снимке поэт остался один. Силуэт лежащего Г. Тукая был вырезан из общей композиции фотографии, переснят и таким возвращен в оригинальное паспарту фотографа И. Якобсона (**фото 21**). Первоначальный вид этого снимка сохранился, к сожалению, только в печатных изданиях. (Фото полностью было опубликовано в статье: Сайфи-Казанлы Ф. Онытылган документ [Яналиф. 1927. № 3. 3–5 б]). Почему так было сделано? Ответ на это дает открытка, напечатанная И. Якобсоном, где лежащий Г. Тукай предстает уже один. Понятно, что изданная в мемориальных и, конечно, коммерческих целях открытка не должна была содержать «посторонних лиц», в связи с чем друзья поэта были удалены с подлинника в те же годы самим фотографом (**фото 23**). Перепечатанные в

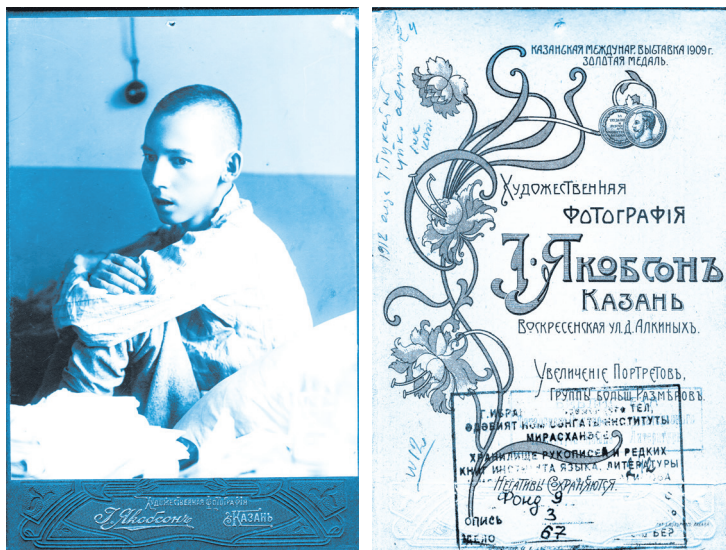
23. Обратная сторона почтовой карточки.
Г. Тукай в больнице Г.А. Клячкина (за день до смерти).
Казань. 1913

23. Почта карточкасы асты. Г. Тукай Г.А. Клячкин хастаханәсендә (вафатына бер көн кала). Казан. 1913

23. The reverse side of a postcard. G. Tukay in hospital of G.A. Klyachkin (the day before his death). Kazan. 1913

1920-е гг. оригинальные изображения этой фотографии, могли сохраниться в печатных изданиях, газетах, выпущенных после смерти поэта. Это подтверждается и заломами от сгибов бумаги на журнальном снимке [Сайфи-Казанлы Ф. Онытылган документ. 4 б.].

Также Г. Тукай был снят И. Якобсоном сидящим, обхватившим руками колени (**фото 24**). Рот его приоткрыт – он задыхается. Поражает сам вид умирающего – изможденный, задыхающийся, погруженный в себя. Какая-то бесплотность облика удивительным и самым

24. Г. Тукай в больнице Г.А. Клячкина. Казань. 1 апреля 1913. Фотограф И.М. Якобсон. Оригинал.
24. Г. Тукай Г.А. Клячкин хастаханәсендә. Казан. 1913 елның 1 апреле. Фотограф И.М. Якобсон. Оригинал
24. G. Tukay in hospital of G.A. Klyachkin. Kazan. April 1, 1913. I.M. Jacobson. Original

тографом И.М. Якобсоном, авторству которого принадлежат, как видим, не менее 5 – 6 превосходных фотографий Г. Тукая. Поразительно сходство фотографических изображений умирающего Тукая и посмертной маски ([фото 25](#)).

Смерть Г. Тукая и ее отражение, в том числе в визуальных документах, по точному замечанию немецкого исследователя М. Фридериха, являют «собой события, которых [татарский] мир никогда не знал до этого» [Фридерих М. Тукай как объект идеологической борьбы. С. 68]. Похороны были организованы «с истинно королевскими почестями» [Zübejir [Koşaj], Hamid: Abdoullah Tokai. Un poete tatare modern, in: Kõrõsi Csoma Archivum, 1921 (1), S.70]. В траурном шествии приняли участие несколько тысяч человек, что было невиданным событием для Казани.

сочувственным образом переданы фотографом.

Никаких записей на самих фотографиях и на оборотной стороне нет. На лицевой стороне паспарту тисненная позолотой надпись «Художественная фотография. И. Якобсонъ. Казань». На оборотной стороне паспарту типографский оттиск с рекламным текстом. Примечательна хорошая сохранность подлинников.

3 (16) апреля 1913 г., сразу после смерти поэта, по просьбе друзей была снята «...маска с его лица, чтобы имелся образец для памятников и картин» [Йолдыз. 1913. № 966, 7 апрель]. Одно из первых ее изображений появилось на почтовой карточке, напечатанной опять же фото-

4 апреля 1913 г. на похоронах поэта были сделаны снимки пришедших попрощаться с ним людей. На фотографии с Юнусовской площади изображено духовенство (слева направо): Зариф хазрат Амирхани, отец Фатиха Амирхана (прочитавший поминальную молитву), неизвестный мулла, Галимджан хазрат Баруди (с палкой), Ибрагим хазрат Халитов (*фото 26*). На снимках с мусульманского кладбища Казани видны венки с траурными лентами на могиле (что не было принято ранее у татар-мусульман и резко осуждалось консервативной частью духовенства) и читающие молитву муллы (*фото 27*). Перед собравшимися выступали Габдулла Гисмати, публицист и друг поэта Фахрелислам Агиев, издатель Гильметдин Шараф и Гата Иманаев. После предания земле покойного и молитв Касим хазрат, исполняя завещание поэта, прочитал две строки из знаменитого стихотворения Тукая «Мое завещание»: «Возвращайся, о, моя успокоившаяся душа, иди, направляйся, уходи к своему Божеству. До сих пор подставляла спину, теперь же повернись лицом к его воле» [цит. по: Кояш. 1913. № 90, 8 апрель].

Был сфотографирован покойный Г. Тукай в обрамлении венков – поразительный документ времени, когда почитатели таланта умершего поэта пытались сохранить последний его облик, невзирая на религиозные и ментальные границы (*фото 28*). Невозможно без боли смотреть на лицо поэта, успокоившегося на смертном одре.

В известной похоронной серии, возможно, снятой студентом Казанского университета К. Каримовым (он приходился родным братом известному публицисту, редактору оренбургской газеты «Вақыт» Фатиху Карими) [Габдрафикова Л.Р. Жил-был фотограф один... / Казань. 2016. № 2. С. 44–46] и опубликованной в татарской печати

25. Почтовая карточка. Г. Тукай. Посмертная маска. Казань. 1913. Фотография на бланке почтовой карточки И.Якобсона

25. Г. Тукай. Битлек. Казан. 1913.

И.М. Якобсонның почта карточкасы
бланкындагы фотография

25. G. Tukay. Death mask. Kazan. 1913. Photo
postcard to form I.M. Jacobson

26. Похороны Г.Тукая. Казань. 4 апреля 1913 г.
Юнусовская площадь

26. Г. Тукайны соңгы юлга озату. Казан. 1913 елның
4 апреле. Юнысов майданы. Фотокопия

26. The funeral of G. Tukey. Kazan. April 4, 1913.
Yunusovskaya square. Photocopy

после кончины поэта, недавно стал известен новый снимок, являющийся подлинником **(фото 29)**. Он принадлежал профессору Р. Нафигову, потом доктору филологических наук З.З. Рамееву, который передал его в 2013 г. в Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Свидетельство о событии – похоронах Г. Тукая – отразилось в надписи на арабской графике на лицевой стороне снимка, особо указывалось, что снята процессия среди новых построек (по пути к кладбищу, на окраине города). Отраднo, что сохранились подлинники

«похоронных» фотографий Г. Тукая, а также их печатные изображения в журналах.

В течение нескольких недель после кончины поэта пресса неустанно подводила итоги его короткой жизни, в меньшей степени обращаясь к творчеству Тукая, в большей – к тому интегрирующему значению, которое имела фигура Г. Тукая для татарской нации. Так, в газете «Вакыт» от 10 апреля 1913 г. в подзаголовках статьи есть и такая – «Фотографирование» [Габдулла Тукаевның җеназа мөрасимәсе // Вакыт. 1913. 10 апрель]. Сами похороны и участие в них женщин, массовое фотографирование церемонии и самого покойного, коммерческое издание открыток вызвали резкую критику религиозных деятелей. Фотографирование мулл, чтение ими стихов над могилой поэта (Касым хазрат) и другие отступления от установленных законов шариата считались недопустимыми и греховными [Әхмәров Х. Дустлык панары һәм Тукай. Казан, 1913. 15 б.]. Однако в мусульманской среде звучали и такие оценки: «Покойный успел в своей короткой жизни бросить взгляд на каждый слой своей нации. Ему удалось дружески обратиться с участливыми стихами к состоянию духа и убеждениям простого народа и богатых, старых и молодых», считал имам Габдрахман Ниязи [Идел.

27. Похороны Г. Тукая. Казань. На мусульманском кладбище. 4 апреля 1913. Оригинал
27. Г. Тукайны соңгы юлга озату. Казан. Мөселман зиратында. 1913 елның 4 апреле. Оригинал
27. The funeral of G. Tukay. Kazan. In the Muslim cemetery. April 4, 1913. Original

28. Похороны Г. Тукая. Казань. 4 апреля 1913.

Оригинал

28. Г. Тукайны соңгы юлга озату. 1913 елның 4 апреле.

Оригинал

28. The funeral of G. Tukay. Kazan. April 4, 1913. Original

1913. № 542, 5 апрель].

После похорон многие магазины и лавки вывесили фото Тукая на своих витринах. Смерть и прощание с национальным поэтом стали невиданным событием в татарском мире. Но нельзя не заметить, что именно в те дни зарождался и мифологизированный образ народного поэта. Так, настоящей обструкции подвергал Гаяз Исхаки издания, в которых, по его мнению, были попытки хоть в чем-то бросить тень на личность Тукая, даже допустить мысль, которая могла дать основу для критики [Исхаки Г. Тукай мэхэббэте. 1914. 2 сентябрь]. В частности, Г. Исхаки осуждал труд Г. Ибрагимова

«Татар шагыйрьләре» (Оренбург, 1913) и упомянутую нами публикацию Кабира Бакира «Тукай Петербуртта» (Оренбург, 1914). Для Гаяза Исхаки фигура и образ Тукая должны были служить делу «татарской нации», поэтому его малейшая критика «угрожала» «национальному делу» [Исхаки Г. Тукай мэхэббэте. 1914. 2 сентябрь].

Значение событий апреля 1913 г. точно подметил цензор Ф. Катанов, отвечавший за публикации на татарском языке в Казани: «Смерть поэта стала для народа всеобщим национальным горем». При этом Ф. Катанов выразил сомнение, что во время траурной процессии и в последующей активности всех занимала только фигура поэта: «Однако сколько же среди этих 5000 людей, сопровождавших траурную процессию, понял значение поэта для татарского народа?.. Трудно ответить на этот вопрос. Но правда в том, что татары использовали весь этот шум по поводу смерти Тукая исключительно для повышения своего национального чувства» [цит. по: Туфан Х. Килэчэктэ яшәуче // Совет әдәбияты. 1961. № 4. 53 б.]. Собственно, вся фотографическая история Габдуллы Тукая подтверждает эти мысли. Здесь есть документальная, неприукрашенная фотография, есть портреты коммерческого плана, даже изо-

29. Похороны Г. Тукая. Казань. 4 апреля 1913 г. Оригинал. Публикуется впервые

29. Г. Тукайны соңгы юлга озату. Казан. Зиратка бару. 1913 елның 4 апреле. Оригинал. Бернче тапкыр басыла

29. The funeral of G. Tukay. Kazan. On the way to the cemetery. 4 April 1913 Original. Published for the first time

бражения, не имеющие к самому Тукаю никакого отношения, своеобразная коммерция в квадрате. Появились у Тукая и значительные в художественном плане фото-портреты, созданные мастером И. Якобсоном. Фотографическая иконография поэта разнообразна, в определенном смысле противоречива, но отражает все особенности его восприятия современниками – от юного печатника, человека из народа, к почитаемому народному поэту, символу нации. Фотографии как визуальный документ отразили двойственность восприятия жизни Тукая – его реальную жизнь и рождение мифа о нем.

В целом же, многое, связанное с жизнью и смертью Тукая, расширило традиционные рамки восприятия мусульманской культуры. Довольно многочисленные прижизненные изображения татарского поэта, издательская и коммерческая судьба его фотографий, снимки Тукая на смертном одре в больничной палате, облик умершего и помертная маска во многом разрушили традиционные стереотипы понимания и поведения в национальной среде. Поэт Габдулла Тукай оказался необыкновенно знаменит и популярен еще при своей крайне скоротечной жизни. Его творчество раздвинуло рамки национальной культуры, а его жизнь – расширила границы национальной жизни, и фотографии Г. Тукая оказались красноречивыми свидетелями этой прекрасной и драматичной эпохи.

30. Похороны Г. Тукая. Казань. 4 апреля 1913. Фотография на бланке почтовой карточки

30. Г. Тукайны соңгы юлга озату. 1913 елның 4 апреле. Почта карточкасы бланкындагы фотография

30. The funeral of G. Tukay. Kazan. April 4, 1913. Photo on letterhead postcard

Исследования по татарской фотографии начала XX в. и фотографиям Г. Тукая

1. В реликвиях – душа Тукая: каталог мемориальной коллекции татарского народного поэта Габдуллы Тукая в собрании Национального музея Республики Татарстан. – Казань: Заман; Татар. кн. изд-во, 2012. – 144 с.: илл.
2. Габдрафикова Л. «Помните меня без рисунка» (распространение фотографических услуг среди татар в конце XIX – начале XX вв.) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2012. – № 1 – 2. – С. 218 – 225.
3. Габдрафикова Л.Р. Жил-был фотограф один... // Казань. – 2016. – № 2. – С. 44–46.
4. Габдрафикова Л.Р. Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований второй половины XIX – начала XX века. – Казань: Институт истории АН РТ, 2013. – 384 с.
5. Габдрафикова Л.Р. Фотография в жизни татар-мусульман в начале XX века // XX–XXI века в истории России: актуальные проблемы: сб. статей VII Международной научно-практической конференции. – Пенза: РИА ПГСХА, 2001. – С. 43–47.
6. Габдулла Тукай: альбом / сост. и текст Р. Даутова. – Казань: Китап, 1966. – 116 с.
7. Габдулла Тукай: фотоальбом / сост. З. Баширов. – Казань: Татар. книж. изд-во, 2006. – 303 с.: илл.
8. Габдулла Тукай: фотоальбом / тез. һәм фоторәс. авт. З. Бәширов; текст. авт. М. Мәһдиев. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. – 240 б.
9. Габдулла Тукай: фотоальбом. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1978. – 176 с.: илл.
10. Загидуллина Д. Габдулла Тукай в Астрахани // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2006. – № 1 (43).
11. Идрисова Р.Р. «Желающие иметь дагерротипные портреты благоволят адресоваться...» (к 170-летию казанской фотографии) // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2013. – № 3–4.
12. Исламов Р.Ф. О некоторых фотографиях-оригиналах Габдуллы Тукая // Научный Татарстан. – 2011. – № 3. – С.181–184.
13. Марков А., Львов С. Астрахань на старинных открытках. – Астрахань: Волга, 1999. – URL: <http://damir-sh.livejournal.com/193677.html>

14. Нагайкина С.И. Фотография в Астрахани. 1861–1920. Очерки по истории губернской фотографии. – Астрахань: Тип. Новая линия, 2011. – 280 с.: илл. – URL: <http://foto-history.livejournal.com/2546990.html>

15. Нафигов Р. О поездке Тукая в Астрахань // Тукаевские чтения: материалы выступлений. Апрель, 1999 г. (Общество Тукая Литературного музея Г. Тукая в Казани). – Казань, 2000. – 161 с.

16. Нуруллин И.З. Тукай. – М.: Молодая гвардия, 1977. – 240 с. (Серия: Жизнь замечательных людей. Вып. 568).

17. Фридерих М. Тукай как объект идеологической борьбы. – Казань: Татар. книж. изд-во, 2011. – 343 с.

18. Әхмәрова Н. Без дә шагыйрьне куреп калдык // Тукай турында истәлекләр / ред. И. Нуруллин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. – 207 б.

19. Бурнаш Ф. Г. Тукай шигырьләре. – Казан, 1926.

20. Валиди Дж. Г. Тукай. Биография и творчество. – Казан, 1914.

21. Габдулла Тукаевның женаза мөрасимәсе // Вакыт. – 1913. – 10 апрель.

22. Зарипов Х. Тукай туган халкы уртасында // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1998. – № 1/2.

23. Исламов Р. Тукайның ничә фотосы бар? // Мәдәни жомга. – 2015. – 10, 17, 24 апрель.

24. Рәмиев С. Икенче апрель көне // Ил. – 1914. – № 23, 2 апрель.

25. Сайфи-Казанлы Ф. Онытылган документ // Яналиф. – 1927. – № 3. – С. 3–5.

26. Тукай турында замандашлары. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1960. – 296 б., портр.

27. Тукай турында истәлекләр. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1986. – 256 б., портр.

Список фотографий

1. Г. Тукай рядом с другом Г. Кариевым. Уральск. 1903–1904. Фотокопия. Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.
2. Учащиеся медресе Мутыгия. Г. Тукай – второй справа в первом ряду. Уральск. 1905. Оригинал. Национальный музей РТ.
3. Г. Тукай с Камилем Мутыги. Уральск. 1905. Фотокопия.
4. Г. Тукай в период работы в типографии. Уральск. 1905. Фотокопия. Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.
5. Г. Тукай среди уральских товарищей. Уральск. 1906. Фотограф В.П. Онуфриев. Оригинал. Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.
6. Члены редколлегии газеты «Эль-Ислах» («Реформа»). На фотографии (слева направо): редактор и издатель газеты Вафа Бахтияров, театральный критик Габделькабир Бакир, идейный руководитель и активный сотрудник Фатих Амирхан, сотрудник редакции Ибрагим Амирхан, Габдулла Тукай. Казань, 1907–1908. Фотограф С.И. Иванов. Оригинал. Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ; Национальный музей РТ.
7. Г. Тукай. Фотография на паспорту. Казань. 1908. Фотография С.И. Иванова. Оригинал. Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ; Национальный музей РТ.
8. Г. Тукай, С.Рамиев (в середине), Ф. Агиев (внизу). Казань. 1908. Фотокопия. Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.
9. Г. Тукай (в центре), Г. Газиз (слева), Г. Кулахметов (справа). Казань. Около 1910. Национальный архив РТ.
10. Почтовая открытка. Инсценировка стихотворения Г. Тукая «Молитва шейха». Астрахань. 1911. Фотограф И.М. Бочкарев. Фотокопия.
11. Г. Тукай, С. Рамиев, Ш. Гайфи (на веслах). Астрахань. 1911. Фотограф И.М. Бочкарев. Оригинал. Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.

12. Г. Тукаев. Почтовая открытка. Издание Ш. Гайфи. Астрахань. 1911. Фрагмент фотографии И.М. Бочкарева. На лицевой стороне снимка надпись арабской графикой: «Я врагам не отомстил, вышли силы, сломан меч, В битве с грязью сам погряз, мир очистить я не смог. Г. Тукаев». Оригинал. Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ; Национальный музей РТ.

13. Г. Тукай. Почтовая открытка. Казань. 1911. Фрагмент фотографии И.М. Бочкарева. На лицевой стороне снимка надпись арабской графикой: «В клетке мира было тесно птице сердца моего; Создал Бог ее веселой, но мирской тщете чужой. Г. Тукаев». Оригинал. Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ; Национальный музей РТ.

14. Члены татарского драматического кружка. Присутствуют на фотографии: Карим Сулейманов, Басыр Габдуллин, Гадерахим Адаков, Туктар Диникиев, Касым (Миркасым) Туйбактин, Зайни Солтанов, Габдулла Тукай, Сагит Рамиев, Сафи Биккинин, Давыд Мухаммадев, Хажар Мухаммадев, Диникиева, Габдерахим Самаки, Рахим Басыри, Шахид Гайфи, Абудакер Мазини, Зулькарнай Байкин. В среднем ряду слева: Зайни Султанов, Габдулла Тукай, Сагит Рамиев. Астрахань. 1911. Фотограф И.М. Бочкарев. Оригинал. Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.

15. Г. Тукай. Предположительно портрет 1912. Обложка книги Кабира Бакира. «Тукай в Петербурге» (Оренбург, 1914). Фотография на обложке книги. НМ РТ; библиотека КазНЦ РАН.

16. Г. Тукаев. Открытое письмо. Казань. 1910–1911. На лицевой стороне снимка надпись: «Выдающийся поэт Габдулла Тукаев» (арабская графика). «Г. Тукаевъ» (кириллица). Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ; Национальный музей РТ.

17. Г. Тукай с друзьями: Фатихом Амирханом (в первом ряду), Гафуром и Каюмом Кулахметовыми. Казань. 1912. Оригинал. Сохранившийся фрагмент фотографии (возможно, фотограф И.М. Якобсон). Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.

18. Г. Тукай и Ф. Амирхан. Казань. 1912. Возможно, фотограф И.М. Якобсон. Оригинал. Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.

19. Г. Тукай. Портрет анфас. Открытое письмо. Казань. 1912. Фотограф И.М. Якобсон. Национальный музей РТ.
20. Г. Тукай. Фотография на паспарту. Портрет в три четверти. Казань. 1912. Фотограф И.М. Якобсон. Оригинал.
21. Г. Тукай в больнице Г.А. Клячкина. Казань. 1 апреля 1913. Фотограф И.М. Якобсон. Оригинал. Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ; Национальный архив РТ.
22. Первоначальное изображение фотографии Г. Тукая в больнице Г.А. Клячкина. У кровати слева направо: Г. Кариев, Ш. Ахмеров, Ф. Сайфи-Казанлы. 1 апреля 1913. Фотограф И.М. Якобсон. Оригинал не сохранился. Напечатано в журнале «Яналиф» (1927, № 3, с. 4). Национальная библиотека РТ.
23. Обратная сторона почтовой карточки. Г. Тукай в больнице Г.А. Клячкина (за день до смерти). Казань. 1913.
24. Г. Тукай в больнице Г.А. Клячкина. Казань. 1 апреля 1913. Фотограф И.М. Якобсон. Оригинал. Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.
25. Г. Тукай. Посмертная маска. Казань. 1913. Фотография на бланке почтовой карточки И.М. Якобсона. Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.
26. Похороны Г. Тукая. Казань. 4 апреля 1913 г. Юнусовская площадь, духовенство (слева направо): Зариф хазрат Амирхани, отец Фатиха Амирхана (прочитавший поминальную молитву), неизвестный мулла, Галимджан хазрат Баруди (с палкой), Ибрагим хазрат Халитов. Фотокопия. Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.
27. Похороны Г. Тукая. Казань. На мусульманском кладбище. Муллы, читающие молитву. 4 апреля 1913. Оригинал. Национальный музей РТ.
28. Похороны Г. Тукая. Казань. 4 апреля 1913. Оригинал. Национальный музей РТ.
29. Похороны Г. Тукая. Казань. На пути к кладбищу. 4 апреля 1913 г. Оригинал. Публикуется впервые. Центр письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.
30. Похороны Г. Тукая. Казань. 4 апреля 1913. Фотография на бланке почтовой карточки. Национальный музей РТ.

Татарларда фотосурәтләрнең барлыкка килүе мөселманнар арасындагы ижтимагый-сәяси, мәдәни яктан тамырдан үзгәрешләр башлануын күрсәтә. Г. Тукайның фотография тарихы – бу үзгәрешләрнең үзенә күрә бер чагылышы. Тукай фотосурәтләре тарихы нибары 10 ел вакытны үз эченә ала, әмма ул тулы бер чорны чагылдыра. Болар – яшь чакта Уральскта төшкән сурәтләр, шагыйрь буларак даны еракларга таралган вакытындагы портретлары һәм соңгылары – үләр алдыннан Клячкин хастаханәсендә алынган фотолар һәм әдипне соңгы юлга озату күренешләре. Кызганыч, бу фотосурәтләрнең төп нөсхәләре аз сакланган, әмма үзе исән вакытта ук һәм вафатыннан соң эшләнгән открыткалардагы портретлары, шулай

Тукай фотографияләрдә

ук төрле басмаларда нәшер ителгән сурәтләре фотолар комплексын тулыландыра. Нәкъ менә шулар – бәһасез мирас, һәм фәкать шулар аша гына без бөек татар шагыйренең чын йөзен күз алдына китерә алабыз.

Г. Тукай фотографияләрен караганда, шагыйрь үзе исән вакытта ук аны сурәткә төшергән фотографларның эшчәнлегенә дә игътибар итми мөмкин түгел. Алар – В.П. Онуфриев (Уральск), С.И. Иванов һәм И.М. Якобсон (Казан), И.М. Бочкарев (Әстерхан).

Тукайның яшь чактагы сурәтләре аның Уральск шәһәрәндә яшәү һәм мэдрәсәдә уку чорын чагылдыра. Уральсктагы дуслары белән төшкән күмәк фотосы аның әйләнә-тирәсен, шул мохитне аңларга ярдәм итә. Тукайның типогра-

фия хезмәткәре булып эшләгән вакыттагы фотографиясе дә яшь шагыйрьнең социаль позициясен ассызыклай.

Фотосурәтләрнең Казан чоры – шагыйрь тормышындагы эволюцияне күрсәтә. “Әл-Ислах” газетасының редколлегия әгъзалары белән төшкән тәүге күмәк фотода Г.Тукай Казан әдилләре арасында эле кыенсынганрак халәттә күренә, ә инде 1908 елдагы мәгълүм сурәттә исә Тукайның ижади даирәдәге урыны үзгәрүен аның образындагы уңыш билгеләре, мәнәбәт кыяфәте чагылдыра. Әлбәттә, бу портрет нәшриятның махсус заказы белән эшләнә һәм соңыннан китап-журналларның тышкы битләренә куела, аерым открыткалар итеп нәшер ителә.

Г. Тукайның дуслары – шагыйрьләр, язучылар, нәширләр белән төшкән фотосурәтләрдә кызыклы. Бикүкрәми булмаган бу сурәтләр шагыйрьнең аралашу даирәсе белән танышырга ярдәм итә. Шулар арасында иң дулкынландырганы – Фатих Әмирхан белән төшкән фотосы.

Г. Тукайның өч фотосурәте аның Санкт-Петербург һәм Әстерханга баруы белән бәйле.

Әдипнең соңгы фотолары Клячкин сырхауханәсендә үләрәненә бер тәүлек

кала төшерелгән. Тукайны соңгы юлга озаткандагы халык ташкыны да фотосурәтләр аша тарихка кереп калган.

Жыеп әйткәндә, шагыйрьнең фотосурәтләре төрле, билгеле бер мәгънәдә хәтта капма-каршы, әмма алар замандашлары тарафыннан Тукайның ничек кабул ителүен чагылдыра – халык арасыннан чыккан яшь типография эшчесеннән башлап, милләтнең символы, халыкның яраткан шагыйрәненә кадәр.

Тукайның тормышы һәм үлеме белән бәйле вакыйгалар мөселман мәдәниятенә борынгыдан килгән чикләрен киңәйтә. Татар шагыйрәненә исән вакыттагы сурәтләре, фотоларының нәшрияттагы һәм сәүдә өлкәсендәге язмышы, хастаханә палатасында үлем түшәгендә яткандагы фотосурәтләре, вафат булганнан соңгы сурәте һәм битлегә милли даирәдә үз-үзенә тотуда традицияләре буенча килгән стереотипларны шактый жимерә.

Шагыйрь Габдулла Тукай кыска гына гомерендә дә искиткеч танылуга һәм мәшһүрлеккә ирешә. Аның ижаты – милли мәдәният офыкларын, тормышы – татар менталитеты чикләрен киңәйтә. Тукай фотосурәтләре – әлеге кызыклы һәм драматик чорның бәһасыз шаһитлары.

The advent of photography in the Tatar environment clearly demonstrates the dramatic changes in the Muslim world of the early twentieth century as socio-political, social, cultural ones. Photographic history of Tukay was a kind of reflection of these changes. History of Tukay's photos extends back 10 years only, but it embraces the entire era compressed like a spring. It covers the earliest images in Uralsk, portraits of the famous poet at the heyday of his fame and the last ones appeared in Klyachkin's hospital before his death, as well as at the poet's funeral. Unfortunately, the original pictures have not saved so many, but lifetime and posthumous postcards with G.Tukay's portraits and photos published in various

print media supplemented this complex. They generally constitute a priceless legacy to which we know the true appearance of the great Tatar poet.

Looking at photos of G.Tukay, we can't ignore activities of the photographers who had shot him during his life. They were V.P.Onufriev (Uralsk), S.I.Ivanov and I.M.Jacobson (Kazan), I.M.Bochkarev (Astrakhan).

Early photos of G.Tukay reflected his life and studies in Uralsk madrassah. There he met with his friend, the future actor Gabdulla Kariev, and cooperated with Kamil Mutygi-Tukhvatullin, a teacher of the madrassah. The group photo of G.Tukay with his Ural comrades shows the

Tukay in photos

environment in which the poet was around. Another picture of Tukay, as a printer, is an example of the social position that a novice poet held.

Kazan pictures demonstrate the evolution that occurred with him. If at the first group photo with members of the editorial board of the newspaper «Al-Islakh» G.Tukay looks more awkwardly, the famous portrait of 1908 shows the change of Tukay's position in literary circles. His image expresses respectability and success. It is known that this portrait was made by order of publishers and subsequently graced the covers of books, magazines, individual cards. Over the next five years, these portraits had appeared several times, some of them were owned by different publishing houses, indicating the commercial orientation of these images.

G.Tukay's photos with friends, poets, writers, and publishers are also very interesting. These pictures, not official ones, reveal to us his circle of communication and affection. And, perhaps, the most touching photos were made together with his friend Fatikh Amirkhan.

Three photos of G.Tukay associated with his trip to St. Petersburg and Astrakhan.

Last photos of G.Tukay made one day prior to his death in the hospital of G.Klyachkin from where the poet was sent

on his final journey. Photographic evidence of G.Tukay's crowded funeral was remained, too.

In general, photographic iconography of the poet is diverse, in some ways, contradictory, but reflects all the features of his contemporaries' perception: from a young printer, man of the people, to the revered national poet, the symbol of the nation. Photos as a visual documents reflected the duality of Tukay's life perception, namely his real life and the birth of the myth about him.

In general, the life and death of Tukay, and much associated with it, expanded the scope of traditional perception of Muslim culture. Lifetime image of the Tatar poet, publishing and commercial fate of his photographs, pictures of Tukay on his deathbed in the hospital room, the face of the deceased and the death mask – all these largely destroyed the traditional stereotypes of understanding and behavior in the national environment. Poet Gabdulla Tukay has proven to be extremely famous and popular even during his very short-lived life. His creativity expanded the scope of the national culture, and his life extended the boundaries of the national mentality. Photos of G.Tukay were proven the eloquent witnesses of this beautiful and dramatic era.

Ахметова Дина Ирековна

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ В ФОТОГРАФИЯХ

2-е издание

Редактор - Л.Ш. Давлетшина
Компьютерная верстка А.В. Булатова
Дизайн обложки В.В. Харисова

Подписано в печать: 11.11.2021 г.
Формат 84×90 1/16. Гарнитура «Cambria». Бумага мелованная.
Усл.-печ. л. 4,2. Уч-изд. л. 1,9. Тираж 1000. Заказ 11.11/21Р4

Издательство Академии наук Республики Татарстан
420111, Казань, ул. Баумана, 20